

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО БАЗОРКИНА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 69481/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

27 июля 2006 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
11 декабря 2006 года

По делу Базоркина против России,

Европейский Суд по Правам Человека (Первая Секция) на заседании Палаты в следующем составе:

Г-на К.Л. РОЗАКИСА, *Президента,*

Г-н Л. ЛОУКАЙДЕСА,

Г-жи Ф. ТАЛКИЕНС,

Г-н П. ЛОРЕНЗЕНА,

Г-жи Н.ВАДЖИЧ,

Г-на А. КОВЛЕРА,

Г-жи Е. СТАЙНЕР, *судей,*

и Г-на С. НИЕЛЬСЕНА, *Секретаря Отдела,*

Проведя обсуждение при закрытых дверях 6 июля 2006 года,

Выносит следующее постановление, принятое в указанный выше день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело основано на жалобе (№69481/01) против Российской Федерации, поданной в Суд по Статье 34 Конвенции о защите Прав Человека и Основных Свобод («Конвенции») гражданкой России Фатимой Сергеевной Базоркиной («Заявительница») 11 апреля 2001 года.

2. Заявительница, которой была оказана юридическая помощь, была представлена в Суде юристами НКО «Правовая Инициатива по России» («SRJI»), неправительственной организацией, базирующейся в Нидерландах и имеющей представительство в России. Российское Правительство («Правительство») было представлено своим г-ном Лаптевым, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека.

3. Заявительница утверждала, что ее сын «исчез» после задержания российскими военными в феврале 2000 года в Чечне. Она сослалась на Статьи 2, 3, 5, 6, 8, 13, 34 и 38 Конвенции.

4. Жалоба была передана на рассмотрение Первой Секции Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В названной Секции для рассмотрения дела (Статья 27 § 1 Конвенции) была сформирована Палата в соответствии с Правилем 26 § 1.

5. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав Секций (Правило 25 § 1), однако данное дело осталось в Палате, сформированной в рамках бывшей Первой Секции.

6. Решением от 15 сентября 2005 года Суд объявил жалобу приемлемой.

7. Заявительница и Правительство представили ряд письменных комментариев и ходатайств (Правило 59 § 1).

8. Слушание дела проходило публично в Дворце Прав Человека в Страсбурге 8 декабря 2005 года (Правило 59 § 3).

Перед Судом предстали:

(а) от Правительства

Г-н ЛАПТЕВ, Представитель Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека, *Агент,*

Г-н БЕРЕСТНЕВ, Г-н ДЕВЯТКО, *Советники,*

Г-жа САПРЫКИНА, *Советник;*

(b) от заявительницы

Г-н СОЛВАНГ, *Директор SRJI,*

Г-н НИКОЛАЕВ, Г-жа СТЭЙСТЯНУ, Г-жа ЕЖОВА,

Советники.

Суд заслушал обращения г-на Солванга, г-на Николаева, г-жи Стрэйстяну и г-жи Ежовой от имени заявительницы и г-на Лаптева и г-на Девятко от имени Правительства.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявительница родилась в 1938 году и проживает в поселке Карабулак, Ингушетия. Данная жалоба также подана от имени сына заявительницы, Хаджи-Мурата Яндиева, 1975 г.р.

A. Факты

10. Фактические обстоятельства исчезновения сына заявительницы частично оспаривались сторонами. Принимая это во внимание, Суд запросил у Правительства в полном объеме копии материалов уголовного дела, возбужденного в связи с исчезновением Хаджи-Мурата Яндиева.

11. Ходатайства сторон относительно фактических обстоятельств задержания и исчезновения сына заявительницы и последующего расследования изложены ниже, в Разделах 1 и 2. Описание предоставленных в Суд материалов содержится в Части В.

1. Обстоятельства исчезновения сына заявительницы

12. Сын заявительницы, Хаджи-Мурат Асланбекович Яндиев родился 27 августа 1975 года. До августа 1999 года он был студентом Московского государственного социологического Университета. Заявительница утверждает, что он прекратил учебу в университете в августе 1999 года, за один год до окончания программы обучения. Один из сокурсников ее сына сказал ей о том, что, скорее всего, ее сын поехал в г. Грозный, Чечня. Заявительница полагает, что он хотел найти своего отца, который, по всей видимости, уехал туда. Она ничего не слышала о своем сыне с августа 1999 года.

13. Осенью 1999 года в Чечне начались боевые столкновения. После захвата Грозного федеральными войсками в конце января - начале февраля 2000 года большая группа чеченских боевиков ушла из города и направилась на юго-запад Чечни в сторону гор. На своем пути боевики, а также другие лица, уходившие из города вместе с ними, шли по ряду заминированных мест. В результате многие пострадали, получив, в том числе, ранения ступней и ног в целом. Многие из раненых находились на лечении в больнице села Алхан-Кала (также известного под названием Ермоловка), которое было захвачено российскими войсками в первые дни февраля 2000 года.

14. 2 февраля 2000 года заявительница увидела своего сына в телевизионной программе новостей, в которой говорилось о захвате Алхан-Калы российскими войсками. На нем была камуфляжная униформа, и его допрашивал офицер российской армии, на котором также была камуфляжная форма одежды.

15. Заявительнице позднее удалось получить полную копию данной видеозаписи, сделанной журналистом для телекомпаний НТВ (Независимое Телевидение России) и CNN, и который вошел в село Алхан-Кала вместе с федеральными войсками. Копия данной видеозаписи и распечатка отраженного на ней допроса были предоставлены заявительницей в Европейский Суд.

16. На видеозаписи сын заявительницы виден стоящим возле автобуса с ранеными. Автобус окружен российскими солдатами, из него выводят раненых. Проходящий солдат толкает сына заявительницы в правую ногу. Тот вздрагивает от боли. Он говорит тихо, его голос едва слышен. Офицер, допрашивающий его, говорит с ним жестким голосом. Ниже приводится перевод наиболее значимых частей допроса:

«Офицер: Поверни лицо (ко мне)! Хорошо поверни. Кто ты?»

Задержанный что-то отвечает, но его слов не слышно.

Офицер: Что ты сказал? Из Ингушетии? -/ Задержанный говорит что-то о Назрани/ - Из Назрани? Где ты живешь в Назрани?

Другой военный стоящий рядом приказывает задержанному: Руки вынуть из карманов!

...Офицер вынимает что-то из кармана камуфляжной куртки задержанного - документы, удостоверяющие личность и проверяет их, задавая вопросы. Ответов практически не слышно.

Офицер: Как твоя фамилия? Имя и отчество?

Задержанный: Я родился 27 августа 1975 года.

Другой офицер: Александр Андреевич, нам надо конвой подготовить. Нам надо забрать туда все три автобуса.

Офицер берет что-то из маленького кожаного кармашка, завернутое в целлофан, из документов задержанного (по всей видимости, компас), показывает его кому-то: Эй, смотри! Настоящий обученный боевик!

Он кладет предмет назад в кармашек и заворачивает в целлофан.

Другой офицер спрашивает: Где ты оставил свое оружие?

Задержанный, показывая в сторону головой: мое оружие там...(говорит что-то о заминированном поле).

Второй офицер повторяет: на минном поле?

...Офицер, показывая на его камуфляжную куртку: - У какого солдата ты ее забрал? У федерального солдата? У своего солдата?

Задержанный говорит что-то о том, что ему ее дали. Он говорит что-то о «борьбе против».

Офицер: Борьба против кого? Борьба против таких людей как здесь? Почему ты сюда приехал? Люди умирают из-за тебя!

Задержанный: Из-за меня?

Офицер: Конечно!

Задержанный: Люди умирают...

Офицер: Уведите его, к черту, прикончите его, дерьмо, - вот и весь приказ. Уведите его, черт побери. Давай, давай, давай, делай, уведи его, прикончи, пристрели к черту...

Задержанного уводят двое солдат».

17. На видеозаписи также показывается российское военное оборудование и другие раненые задержанные. Они выведены из автобуса или остаются на улице, у многих ноги и ступни обернуты в бинты или целлофан. На пленке также имеется интервью с жителями села Алхан-Кала, которые говорят о том, что за день до этого село подверглось артиллерийскому обстрелу.

18. Журналист компании CNN, снявший на видео данный допрос, позднее навестил заявительницу в Ингушетии и опознал допрашивающего офицера как генерал-полковника Александра Баранова.

2. Расследование исчезновения

19. Увидев своего сына в программе новостей 2 февраля 2000 года, заявительница незамедлительно начала его поиски. С тех самых пор она не получала о нем никаких известий.

20. Заявительница подавала многочисленные жалобы в прокуратуры различных уровней, в Министерство Внутренних Дел и Министерство Юстиции, Специальному Представителю Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека на территории Чеченской Республики, и т.д. Она также лично посетила СИЗО и тюрьмы в Чечне, а также в других регионах Северного Кавказа.

21. Правозащитная неправительственная организация Хьюман Райтс Вотч и ПЦ «Мемориал», а также Глава миссии ОБСЕ в Чечне направляли от имени заявительницы запросы в различные государственные органы с просьбой предоставить информацию о ее сыне.

22. Заявительница получила очень незначительное количество имеющей значение информации о ходе расследования исчезновения ее сына. Она неоднократно получала копии писем из различных инстанций, в соответствии с которыми ее жалобы направлялись на рассмотрение в военную прокуратуру Северокавказского военного округа, в Грозненскую районную прокуратуру и в военную прокуратуру войсковой части (в/ч) 20102.

23. 18 августа 2000 года Главное Управление по Исполнению Наказаний Министерства Юстиции РФ, ГУИН, проинформировало заявительницу о том, что ее сын не содержится ни в одной из тюрем на территории России. Заявительнице было предложено обратиться в Министерство Внутренних Дел РФ.

24. 1 ноября 2000 года Специальный Представитель Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека на территории Чеченской Республики направил ответ Главе миссии ОБСЕ в Чечне, в соответствии с которым сын заявительницы был указан под номером 363 в списке пропавших без вести, составленном по запросу граждан офисом Специального Представителя. Полученный офисом Представителя запрос о предоставлении информации относительно местонахождения г-на Яндиева был переправлен для рассмотрения в Генеральную Прокуратуру России 1 ноября 2000 года.

25. 24 ноября 2000 года военный прокурор в/ч 20102 в Ханкале, главной военной базе российских федеральных сил в Чечне, вернул жалобу заявительницы в Грозненский РОВД с направлением копии ответа заявительнице. В письме указывалось, что не имеется причин для подачи указанной жалобы в военную прокуратуру, так как «прилагаемые материалы не смогли доказать факт участия военнослужащих в исчезновении сына заявительницы».

26. 30 ноября 2000 года военный прокурор в/ч 20102 направил ответ ПЦ «Мемориал». В нем говорилось, что в результате проведенной проверки их обращений, было установлено, что «не было обнаружено трупа Яндиева, и из материалов, отраженных на видеопленке не следует, что он был убит, так как на видео не содержится такая информация». В результате, было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, в соответствии со ст. 5 ч.1 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления. В аналогичном ответе «Мемориалу» от 30 декабря 2000 года тот же самый военный прокурор указал, что не имеется оснований для выводов о том, что военнослужащие несут ответственность за действия, запечатленные на видеопленке.

27. 8 декабря 2000 года прокуратура Чеченской Республики проинформировала Специального Представителя Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека на территории Чеченской Республики о прогрессе в ходе расследования некоторых уголовных дел. Среди прочего, в письме содержалась ссылка на видеопленку, «на которой офицер федеральных сил приказывает

казнить раненого боевика. Последний был опознан родственниками как Яндиев Х.С. Указанная видеопленка была направлена военному прокурору в/ч 20102 для проверки и расследования в соответствии со ст. 109 УПК РФ».

28. 18 декабря 2000 года московский офис организации Хьюман Райтс Вотч направил письмо Генеральному Прокурору РФ, в котором излагались следующие вопросы:

- «1) Было ли возбуждено уголовное дело по факту исчезновения Яндиева?
- 2) Была ли установлена личность допрашивавшего его офицера?
- 3) Был ли офицер допрошен? Если нет, то почему?
- 4) Было ли установлено местонахождение Яндиева, и в частности, жив ли он?
- 5) Было ли предъявлено обвинение в связи с «исчезновением» Яндиева допрашивавшему его офицеру?

В случае не возбуждения уголовного дела по факту «исчезновения» и дурного обращения с Яндиевым, просим Вас возбудить соответствующее уголовное дело».

29. 29 декабря 2000 года и 24 января 2001 года военная прокуратура Северокавказского военного округа проинформировала заявительницу и организацию Хьюман Райтс Вотч о том, что их жалобы были направлены для рассмотрения в военную прокуратуру в/ч 20102.

30. В феврале 2001 года двое мужчин, г-н И. и г-н Б. дали свидетельские показания главе Карабулакского РОВД. В них они пояснили, что 2 февраля 2000 года Хаджи-Мурат Яндиев был задержан в селе Алхан-Кала российскими федеральными силами. Данные ими показания не содержали адресов И. и Б. и не объясняли, каким образом им стало известно о задержании Яндиева.

31. 13 февраля 2001 года прокурор Чечни направил письмо в Мемориал, в котором он подтвердил получение видеопленки с записью допроса Хаджи-Мурата Яндиева. Данная видеопленка была направлена им в военную прокуратуру в/ч 20102 для проведения расследования.

32. 13 и 27 февраля 2001 года военный прокурор в/ч 20102 направил все дальнейшие запросы для рассмотрения в Грозненский РОВД.

33. 16 мая 2001 года организация Хьюман Райтс Вотч обратилась с письмом в военную прокуратуру Северокавказского военного округа с просьбой отменить постановление военного прокурора в/ч 20102 об отказе в возбуждении уголовного дела. В письме содержалась ссылка на видеозапись и на факт того, что с тех самых пор Яндиева не видели, т.е. с начала февраля 2000 года. Письмо излагало еще одну просьбу об установлении личностей и проведении допросов офицеров, изображенных на видеопленке. В ответ, в письме от 31 мая 2001 года, прокуратура сообщила о том, что будет проведена проверка. 22 июня 2001 года прокуратура проинформировала Хьюман Райтс Вотч о том, что все материалы уголовного дела были направлены в Грозненский РОВД.

34. 14 июля 2001 года следователь прокуратуры Чечни возбудил уголовное дело №19112 по факту похищения Хаджи-Мурата Яндиева, 1975 года рождения, неизвестными лицами в феврале 2000 года в селе Алхан-Кала. Дело было возбуждено по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 126 ч.2. УК РФ (похищение).

35. 17 августа 2001 года Хьюман Райтс Вотч вновь направила письмо Главному Военному Прокурору РФ. 4 сентября 2001 года Главный Военный Прокурор направил ответ, в соответствии с которым расследование уголовного дела проводилось местной прокуратурой в Чечне, которая проинформирует заинтересованные стороны о прогрессе в ходе расследования.

36. Заявительница утверждает, что в декабре 2001 года в ее дом пришли несколько человек и сказали ей о том, что они проводят перепись населения. Они

задавали ей и ее соседям вопросы о сыне, и о том, вернулся ли он домой. На следующий день они вернулись и сказали ей, что они были из прокуратуры г. Карабулак, и что ими получены из прокуратуры Чечни документы относительно исчезновения ее сына. Заявительница подтвердила, что ее сын пропал без вести, и что у нее не было о нем никаких известий.

37. 23 октября 2002 года SRJI попросила прокурора Чечни предоставить информацию о ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту «исчезновения» и возможного убийства Яндиева. Ответа на запрос предоставлено не было.

38. 20 декабря 2002 года SRJI подала аналогичный запрос в Генеральную Прокуратуру РФ. 4 февраля 2003 года Генеральная Прокуратура направила ответ, в соответствии с которым запрос SRJI был направлен для рассмотрения в Управление Генеральной Прокуратуры РФ по Южному Федеральному округу. В марте 2003 года указанная прокуратура проинформировала SRJI о том, что данный запрос передан на рассмотрение в прокуратуру Чечни.

39. 15 апреля 2003 года SRJI обратилась с письмом в военную прокуратуру в/ч 20102, в котором попросила, сославшись на письмо от 30 ноября 2000 года, предоставить им копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению заявительницы о возможном убийстве ее сына. В июне 2003 года военный прокурор в/ч 20102 направил ответ, в соответствии с которым все документы, имеющие отношение к данному делу, были направлены в Грозненский ВОВД 24 ноября 2000 года.

40. 7 декабря 2003 года следователь Грозненской районной прокуратуры проинформировал заявительницу о том, что расследование уголовного дела №19112 было возобновлено 6 декабря 2003 года. 6 февраля 2004 года Заявительница была проинформирована вышеуказанной прокуратурой о том, что расследование по делу было приостановлено в связи с не установлением подозреваемых в совершении преступления. Заявительница была проинформирована о возможности обжалования данного процессуального решения.

41. Заявительница утверждает, что 30 марта 2004 года в ее дом в Карабулаке пришли два человека из Грозненской районной прокуратуры, которые вновь допросили ее о пропавшем без вести сыне и других членах семьи. Заявительница предоставила им описание сына и пояснила, что у нее больше нет фотографий сына, так как до этого ей пришлось предоставить их в различные государственные органы, в том числе, в прокуратуру. Заявительница подписала протокол допроса.

42. Заявительница ссылается на доклад организации Хьюман Райтс Вотч, опубликованный в марте 2001 года: «[Грязная война: исчезновения, пытки и внесудебные расправы](#)», в котором излагалась история Хаджи-Мурата Яндиева и его «исчезновение» после задержания российскими военнослужащими.

43. В ноябре 2003 года жалоба была коммуницирована Российскому Правительству. Наряду с коммуникацией жалобы, Суд запросил у Правительства копию материалов уголовного дела №19112. В марте 2004 года Правительство представило 80 страниц из почти 200 страниц материалов дела. Суд дважды повторял свой запрос о предоставлении оставшихся документов, но Правительство отвечало, что их представление нарушило бы ст. 161 УПК РФ, дискредитировало бы расследование и нанесло бы ущерб правам и интересам участников предварительного следствия.

44. В сентябре 2005 года Суд объявил жалобу приемлемой и повторил свой запрос о предоставлении оставшихся документов. В ноябре 2005 года Правительство представило полную копию материалов уголовного дела, состоящую из 5 томов (около 900 страниц) и трех томов с приложениями (около

700 страниц). Кроме того, в январе и марте 2006 года Правительство представило еще 2 тома с документами следствия, полученными им в последнее время (около 470 страниц).

45. Следствие установило, что сын заявительницы был задержан 2 февраля 2000 года в Алхан-Кале наряду с другими членами незаконных вооруженных формирований. Сразу же после ареста его передали военнослужащим ГУИН для транспортировки в СИЗО Чернокозово, Чечня. Хаджи-Мурат Яндиев не прибыл в Чернокозово, и его последующее местонахождение не могло быть установлено. В июле 2001 года Яндиев был включен в список пропавших без вести, и в октябре 2004 года его имя было включено в список лиц, находящихся в федеральном розыске. В октябре 2004 года было начато расследование уголовного дела в отношении Хаджи-Мурата Яндиева, возбужденное военным прокурором Объединенной группировки войск (ОГВ(С)(с)) по ст. 208 УК РФ - участие в незаконном вооруженном формировании.

46. Заявительница и ее муж неоднократно допрашивались органами следствия и были признаны потерпевшими по уголовному делу. Следствием также было установлено и допрошено значительное число свидетелей и участников рассматриваемых событий, в том числе, военнослужащих армии, внутренних войск и ГУИН, журналистов и местных жителей. Ряд свидетелей подтвердили, что видели встречу между Яндиевым и генерал-полковником Барановым, и что слова последнего были восприняты присутствующими не как приказ, а как «речевой оборот», направленный на то, чтобы успокоить Яндиева, который вел себя агрессивным и провоцирующим образом и мог побудить задержанных к непослушанию. После допроса Яндиева увели из автобуса с другими ранеными к забору; там он оставался в течение некоторого времени. В материалах содержатся показания генерала Недобитко, руководившего операцией и отрицавшего факт проведения массовых казней. Все присутствовавшие при допросе военнослужащие были допрошены в качестве свидетелей. Обвинение никому не предъявлялось.

47. Генерал-полковник Баранов был допрошен о рассматриваемых событиях дважды и показал, что он не отдавал приказа «расстрелять» Яндиева, а намеревался остановить его агрессивное поведение и предотвратить возможные беспорядки, которые могли бы привести к насилию и дальнейшим жертвам среди арестованных боевиков и военнослужащих федеральных сил.

48. Был проведен ряд экспертиз видеозаписи для установления ее подлинности; и того, можно ли считать разговор между генералом Барановым и Яндиевым надлежащим приказом, отданным командующим; для оценки психологического состояния запечатленных на ней лиц; и для выяснения того, оскорбил ли генерал Яндиева. Было установлено, что видеозапись является подлинной. Заключение одного из экспертов также говорило том, что слова генерала Баранова не могут считаться надлежащим приказом, отданным подчиненным в рамках военной субординации из-за его неадекватной формы и содержания.

49. Расследование не установило судьбу Яндиева после передачи его военнослужащим ГУИН 2 февраля 2000 года. Различные СИЗО, военные и правоохранительные органы отрицали то, что его имя содержалось в их регистрах. Несколько человек, задержанных в Алхан-Кале 2 февраля 2000 года, показали, что не видели Яндиева после его задержания.

50. В период с июля 2001 года по февраль 2006 года расследование приостанавливалось и возобновлялось шесть раз. Дело было передано их прокуратуры Чечни в прокуратуру Грозненского района, а затем военному прокурору ОГВ(С)(с). В большинстве документов по делу стоят даты после декабря 2003 года.

В. Документы, представленные сторонами

51. Стороны представили многочисленные документы о расследовании исчезновения. Далее раскрываются важнейшие документы по делу.

1. Документы из материалов уголовного дела

52. Правительство представило документы из материалов уголовного дела об исчезновении Яндиева, составившие более 2000 страниц. Главные документы могут быть суммированы следующим образом.

а) Постановление о возбуждении уголовного дела

53. 14 июля 2001 года следователь прокуратуры Чеченской Республики возбудил уголовное дело по факту похищения Хаджи-Мурата Яндиева, 1975 года рождения, неизвестными лицами в феврале 2000 года в Алхан-Кале. В постановлении имеется ссылка на ст. 126 ч.2 УК РФ (похищение). В тот же самый день уголовное дело было передано в Грозненскую районную прокуратуру для проведения предварительного расследования. Дело было принято к производству 19 июля 2001 года. Делу был присвоен номер 19112. В мае 2004 года расследование было передано военному прокурору ОГВ(с), где ему был присвоен номер 34/00/0020-04Д.

б) Показания заявительницы

54. Материалы дела содержат письмо заявительницы в Генеральную Прокуратуру РФ от 30 мая 2001 года, в котором она изложила известные ей факты исчезновения своего сына. Она указала, что после того, как увидела сына в программе новостей 2 февраля 2000 года, она незамедлительно поехала в Алхан-Калу. Ей удалось попасть туда только 6 февраля 2000 года, где ей сказали, что ее сын, числившийся среди 105 задержанных, был переправлен в Толстой-Юрт. 8 февраля 2000 года она прибыла в Толстой-Юрт, где ей сказали, что в 3 часа дня задержанных перевели в СИЗО Чернокозово. В Чернокозово ей сказали, что ее сын не содержится там, и что его имени нет в списках заключенных. После этого у заявительницы не было никаких известий о сыне, и она просила прокуратуру установить его местонахождение и проинформировать ее, если ему было предъявлено какое-либо обвинение в совершении преступления.

55. 20 января 2002 года допрос заявительницы был проведен в городе по месту ее проживания. Ее краткие показания повторяли ранее изложенные обстоятельства исчезновения ее сына, а также то, что у нее не было о нем никаких известий. В тот же самый день заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу.

56. После этого заявительница неоднократно допрашивалась. Ее муж, отец Хаджи-Мурата Яндиева, также был допрошен и подтвердил ранее данные показания.

в) Показания свидетелей задержания Яндиева

57. Следователи допросили свидетелей встречи между генералом Барановым и Хаджи-Муратом Яндиевым, включая военнослужащих и журналистов.

58. В декабре 2003 года и январе 2004 года следствием были допрошены офицеры подразделения ОМОН из Великого Новгорода, находившихся в командировке в Чечне. В своих показаниях они повторяли, практически слово в слово, что с ноября 1999 по март 2000 года они были прикомандированы в Алхан-Калу, и что в начале февраля 2000 года там проводилась специальная операция. Их подразделение было в резерве, но им было известно о большой группе боевиков, вошедшей в село. Несколько тысяч военнослужащих федеральных сил

при поддержке авиации и военных транспортных средств захватили в плен большое число боевиков, возможно, что около 700 человек. Операция проводилась под командованием генерал-майора Недобитко, командовавшего дивизией МВД, во время которой ее посетил генерал-майор Владимир Шаманов, глава Западной Группировки войск. ФСБ и военная разведка занимались задержанными.

59. В сентябре и октябре 2005 года ряд военнослужащих показали, что 2 февраля 2000 года группа старших офицеров во главе с генерал-полковником Барановым, возглавлявшим в то время личный состав ОГВ(с), прибыла на вертолете в Алхан-Калу. Они прибыли в связи с тем, что была задержана большая группа боевиков, в том числе раненых. Их сопровождали журналисты, в том числе и операторы. Вначале они посетили больницу в Алхан-Кале, где в подвале была обнаружена большая группа раненых боевиков. В подвале было грязно, раненые лежали на полу, и сильно пахло гниением. Солдаты сложили большое количество оружия и боеприпасов, собранных у боевиков, возле больницы. После этого они пошли на центральную площадь Алхан-Калы, чтобы увидеть конвой из трех-четырех автобусов с боевиками, среди которых были ранены. Автобусы были заблокированы со всех сторон вооруженными транспортными средствами и охранялись военнослужащими, которые уже разоружили находившихся внутри автобусов боевиков. Местные жители собрались за оцеплением для того, чтобы посмотреть на происходящее. Когда старшие офицеры подошли к автобусам, они заметили одного из боевиков у первого автобуса, разговаривавшего с журналистом. На нем была новая камуфляжная армейская куртка, он вел себя агрессивным и провоцирующим образом, пытаясь призвать задержанных и местных жителей к неповиновению. Заявители предположили, что он находился под воздействием наркотиков. Ряд свидетелей также отметили, что он был ранен в бедро. Генерал-полковник Баранов переговорил с задержанным и успокоил его, прибегнув к жестким слова, сказав о том, что его нужно расстрелять. Он также обнаружил в кармане задержанного документы, удостоверяющие личность, компас и карту. После этого солдаты отвели задержанного от автобуса с другими боевиками и поместили его рядом с металлическим забором, находившимся в 5 метрах, где он стоял спокойно около часа или полутора часов. Генерал-полковник Баранов и другие армейские офицеры уехали из Алхан-Калы приблизительно через полтора часа, и задержанные боевики были переданы в ведение военнослужащих ГУИН. Свидетели подчеркивали то, что слова Баранова не могут считаться приказом, что после разговора с генералом Яндиев оставался у автобуса в течение долгого времени, и что, в любом случае, вокруг было слишком много людей для отдачи и исполнения такого приказа. Они также показали, что большинство военнослужащих на видеопленке являются сотрудниками подразделений ОМОН или ГУИН, и поэтому не подчинялись генерал-полковнику армии. Свидетели отрицали, что казнь была произведена.

60. В мае 2004 года следствие допросило генерал-майора Недобитко, возглавлявшего операцию в Алхан-Кале. Он показал, что операция проводилась объединенной группой, состоявшей из военных, внутренних войск, милицейских подразделений из Чечни и других регионов России и подразделений ГУИН Министерства юстиции. Работа с задержанными входила в компетенцию подразделений ГУИН. Он отрицал, что военнослужащими проводились массовые казни.

61. Журналисты и операторы НТВ, РТР, и армейского пресс-центра показали, что Яндиев сказал журналистам о том, что руководил небольшой группой боевиков. Во время встречи с генералом Барановым он вел себя заторможено, как будто находился под воздействием наркотиков. Они также показали, что Яндиев вел себя агрессивно, и таким образом спровоцировал замечания генерала

Баранова. Один из журналистов показал, что после запечатленного на видеопленке разговора, Яндиева увели к забору, где он находился около 10 минут, после чего военнослужащие усадили его в БТР и уехали. Другие журналисты показали, что он оставался у забора около часа или более, до тех пор, пока группа, возглавляемая генерал-полковником Барановым, не уехала.

62. В ноябре 2005 года следствие допросило Райана Чилкоута, корреспондента CNN, который присутствовал при событиях 2 февраля 2000 года. Он показал, что стал очевидцем диалога между раненым боевиком, позднее опознанным как Яндиев, и военным офицером высокого ранга, позднее опознанным как генерал Баранов. Он подтвердил, что, несмотря на то, что его русский был слабым, он мог понять суть разговора и понял, что офицер допросил боевика о его куртке и позднее сказал, что его следует «прикончить». Свидетель показал, что видел, как Яндиева увезли солдаты на БТР.

d) Показания генерал-полковника Баранова

63. Следствие допросило генерал-полковника Александра Баранова в качестве свидетеля дважды - в июне 2004 года и в сентябре 2005 года. Оба раза он подтвердил, что разговаривал с молодым боевиком, позднее опознанным как Яндиев, который стоял у автобуса с другими боевиками и способствовал своими утверждениями возникновению беспорядков. Свидетель показал, что исходя из неадекватной реакции боевика, он пришел к выводу о том, что Яндиев находился под влиянием каких-то веществ. Однако алкоголем от него не пахло, и свидетель подумал, что Яндиев мог находиться под воздействием наркотиков. Офицер показал, что его жесткая реакция была вызвана опасным поведением задержанного, которое побуждало к неповиновению других боевиков и жителей села. В своих первых показаниях г-н Баранов утверждал, что видеозапись была изменена, для того, чтобы не демонстрировать провокационных утверждений боевика. Он подчеркнул, что находившиеся вокруг него военнослужащие не были его подчиненными и поэтому не могли исполнять его приказы. В любом случае, никто не подумал, что его замечания представляли собой приказы, и Яндиева просто отвели от автобуса, после чего он долгое время простоял у забора. Сотрудники ГУИН работали с задержанными, и г-н Баранов не принимал в этом никакого участия.

e) Заключение экспертов

64. По делу был проведен ряд экспертиз.

65. В октябре 2004 года эксперты Института Криминалистики ФСБ пришли к выводу, что видеозапись не имела признаков изменений или редактирования изображения или звука, и что голос, отдавший приказ казнить Яндиева, принадлежал г-ну Баранову.

66. В октябре 2005 года профессор лингвистики Московского государственного педагогического института пришел к выводу, что, несмотря на то, что генерал-полковник Баранов употребил непристойные слова и выражения, они не были прямо адресованы Яндиеву и кому-либо лично, и поэтому не могут считаться оскорблением.

67. В октябре 2005 года комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, проведенная двумя старшими медицинскими экспертами, пришла к выводу, что, судя по видеозаписи и другим материалам, поведение генерал-полковника Баранова и Хаджи-Мурата Яндиева 2 февраля 2000 года было адекватным ситуации, и ни один из них не продемонстрировал признаков ослабления умственной деятельности.

68. В ноябре 2005 года комиссия экспертов, состоящая из трех профессоров военных академий, пришла к выводу, что фрагмент видеозаписи не содержал действительного приказа командующего из-за его содержания и ненадлежащей формы. В частности, заключение экспертов указало на то, что приказы должны соответствовать Конституции и другим нормативно-правовым актам, и что они могут относиться только к вопросам, связанным с работой военных и должны входить в компетенцию отдающего его лица. Более того, приказы могли отдаваться только вышестоящим начальником лицу, находившемуся у него в подчинении; их следовало отдавать ясным и недвусмысленным образом. Ни одно из этих условий соблюдено не было, и поэтому эксперты пришли к выводу, что ни генерал-полковник Баранов, ни другие присутствовавшие на месте военнослужащие не могли посчитать его слова приказом.

f) Ситуация с другими задержанными

69. Следствие получило большое количество информации о задержанных 2 февраля 2000 года в Алхан-Кале. Оно установило и допросило военнослужащих, принимавших участие в операции и сопровождении задержанных в места содержания под стражей, а также водителей автобусов и других задержанных.

70. Муса Г., житель Алхан-Калы, был допрошен в июне 2004 года и в октябре 2005 года. Он показал, что 2 февраля 2000 года попытался уехать из села вместе со своей семьей на автобусе ПАЗ. Его остановила группа вооруженных мужчин, которые приказали ему убрать его вещи и доставить автобус к больнице Алхан-Калы. У больницы уже ждали два других автобуса ПАЗ, за рулем которых также были жители села. Вооруженные мужчины вывели раненых из больницы и погрузили их на три автобуса; водителям первоначально сказали поехать в Урус-Мартан. Однако им не разрешили проехать через военный блокпост при выезде из села, и они вернулись в Алхан-Калу. После этого их проинструктировали о том, что нужно поехать в Толстой-Юрт, где, как понял свидетель, раненые были разгружены из автобусов военнослужащими Министерства юстиции. Свидетель опознал Хаджи-Мурата Яндиева на фотографии и показал, что видел этого человека, когда того усаживали в БТР в Алхан-Кале, и позднее пересадили в другой БТР на военном блокпосту на выезде из села. Свидетель также показал, что он видел, как военные обыскивали его и нашли у него черный флаг с арабскими надписями. Свидетель не видел, чтобы с этим человеком или с другими задержанными дурно обращались. Он не видел этого человека, позднее опознанного как Яндиев, ни до 2 февраля 2000 года, ни после этого.

71. В мае 2004 года Б. (см. выше § 30) показал, что знал Яндиева с детства, так как также вырос в Грозном. В декабре 1999 года и январе 2000 года он встречался с ним в Грозном несколько раз. В то время у Яндиева были длинные волосы, борода и камуфляжная армейская куртка, но он не был вооружен. В конце января 2000 года свидетель покинул Грозный через «коридор безопасности» по направлению к Алхан-Кале. По пути колонна была обстреляна, и свидетель получил ранение правой руки. В Алхан-Кале его положили в больницу, где он вновь встретился с Хаджи-Муратом Яндиевым, который был ранен в бедро. Утром 2 февраля 2000 года было организовано три автобуса для доставки раненых в больницу Урус-Мартана, однако конвой был остановлен военными на блокпосту и вернулся в Алхан-Калу. Там автобусы окружили военнослужащие и военные транспортные средства, людей выводили из автобусов и обыскивали. Б. поместили у металлического забора спиной к автобусам. Он слышал голос Яндиева позади себя и вспомнил, что Яндиев разговаривал с каким-то старшим офицером, который завершил разговор приказом «расстрелять» Яндиева. После этого свидетель увидел, как увели Яндиева. Он и другие задержанные были вначале

доставлены в «фильтрационный пункт» в Толстой-Юрте, откуда через пять дней они были переведены в СИЗО Чернокозово. После этого свидетель содержался под стражей в двух других СИЗО и был освобожден в июле 2000 года. Он не видел Хаджи-Мурата Яндиева после 2 февраля 2000 года и не получал о нем никаких известий.

72. Следствием были получены документы из материалов уголовного дела, возбужденного в отношении Б. В материалах имелся милицейский доклад о содержании его под стражей в Алхан-Кале 2 февраля 2000 года по подозрению в участии в незаконных вооруженных формированиях. 4 февраля 2000 года Б. был допрошен в Толстой-Юрте и отрицал предъявленные ему обвинения. В тот же самый день ему было предъявлено обвинение в участии в незаконных вооруженных формированиях, и его арест был санкционирован прокурором. В июле 2000 года обвинение было снято, и Б. освободили по амнистии, предоставленной тем, кто обвинялся в участии в незаконных вооруженных формированиях на Северном Кавказе и не совершил серьезных преступлений.

73. В декабре 2005 года следствие допросило двух других мужчин, задержанных в феврале 2000 года в Алхан-Кале и доставленных в Толстой-Юрт. Один из них опознал Хаджи-Мурата Яндиева по фотографии и показал, что видел этого человека, когда того в Алхан-Кале выводили из автобуса военнослужащие.

74. В ноябре 2005 года следствие допросило ряд военнослужащих Министерства Юстиции из различных регионов России, находившихся в командировке в Алхан-Кале в феврале 2000 года. Они показали, что, несмотря на то, что их подразделения не принимали участие в переправке трех автобусов, задержанные в тот день были доставлены в «фильтрационный пункт» в селе Толстой-Юрт. Они также показали, что те задержанные, что были опознаны как «полевые командиры» или те, что, как полагали, могли дать важную информацию, были увезены офицерами ФСБ и Главного Разведывательного Управления, ГРУ Министерства обороны РФ, и не доставлялись на фильтрационный пункт вместе с другими задержанными. Они также показали, что действовала система регистрации задержанных, и, что в отношении каждого задержанного составлялся протокол. Они показали, что, по их мнению, 2 февраля 2000 года были задержаны 100-150 человек по подозрению в участии в незаконных вооруженных формированиях.

75. Правительство также представило в Суд около 700 страниц документов из другого уголовного дела, возбужденного в связи с задержанием 62 человек 2 февраля 2000 года в Алхан-Кале и у его окрестностей. Каждый из задержанных был допрошен 4 февраля 2000 года в Толстой-Юрте, им были предъявлены обвинения, и они были направлены в различные СИЗО. В отношении каждого задержанного прокурором было вынесено постановление о заключении под стражу по подозрению в причастности к деятельности незаконных вооруженных формирований. Из материалов следует, что большинство задержанных были впоследствии освобождены по амнистии. Документы такого рода в отношении Хаджи-Мурата Яндиева отсутствуют.

g) Поиски Хаджи-Мурата Яндиева

76. Следствие пыталось получить информацию о местонахождении Яндиева из различных источников. Ряд правоохранительных органов и СИЗО в Чечне, на Северном Кавказе и других регионах Российской Федерации, в том числе СИЗО №20/2 в Чернокозово, отрицали то, что Яндиев арестовывался ими или находился у них под стражей.

77. Соседи семьи Яндиева в Грозном показали, что не видели Яндиевых после того, как те выехали из Грозного в 1994 году. Сосед Ибрагим Д., допрошенный в

октябре 2004 года, показал, что весной 2003 года на рынке в Грозном он заметил мужчину, похожего на Хаджи-Мурата Яндиева. Свидетель не знал Яндиева хорошо, и не подошел к мужчине на рынке и не поговорил с ним.

78. Также в октябре 2004 года следствие допросило жителя Алхан-Калы, показавшего, что в феврале 2000 года он стал очевидцем ареста Яндиева. Он пояснил, что в августе 2000 года заметил мужчину, похожего на задержанного в одном из магазинов Алхан-Калы. Свидетель не знал Яндиева лично и не знал его по имени.

79. Следователи допросили ряд жителей Алхан-Калы, в том числе, одного из сотрудников милиции и главу местной администрации. В аналогичных показаниях они показали, что в начале февраля 2000 года большая группа боевиков во главе с полевым командиром Арби Бараевым вошла в село. Село было подвергнуто обстрелу, после чего большое подразделение федеральных сил вошло туда на БТР. Никто из допрошенных жителей села даже не слышал о Хаджи-Мурате Яндиеве, но они показали, что в тот день несколько молодых мужчин из Алхан-Калы были задержаны федеральными силами и позднее отпущены.

80. Несколько сокурсников Яндиева по московскому университету показали, что не видели его с лета 1999 года. Они описали его как набожного молодого человека, соблюдавшего мусульманские обычаи и изучавшего религиозную литературу. Следствие получило копию приказа ректора Университета, в соответствии с которым студент Яндиев был отчислен 15 ноября 1999 года за систематическое непосещение занятий.

81. Родственники Яндиева, с которыми он проживал в Москве с 1993 по 1999 г.г. показали, что он уехал в Чечню летом 1999 года и, что с тех пор от него не было никаких известий.

82. Следствие рассматривало версию того, что конвой, перевозивший Яндиева из Алхан-Калы, мог попасть в засаду и, что он мог сбежать или погибнуть во время перестрелки. Оно запросило информацию у ряда источников о засадах на конвои в феврале 2000 года и о сбежавших задержанных, однако данных о таких инцидентах получено не было. Следствие также рассматривало версию о том, мог ли Яндиев воспользоваться фальшивыми документами по прибытии в СИЗО Чернокозово, однако охранники СИЗО, допрошенные в декабре 2005 года, показали, что все прибывшие задержанные имели при себе или удостоверяющие личность документы или милицейские справки, подтверждавшие их личность.

83. В декабре 2005 года Центральное железнодорожное информационное бюро России представило следствию информацию обо всех железнодорожных билетах, купленных под фамилией Яндиев с февраля 1998 по октябрь 2005 (около 450 штук).

84. 21 января 2006 года следствие вынесло постановление о молекулярно-генетической экспертизе образца крови заявительницы для того, чтобы проверить могут ли быть с ней связаны лица, убитые в ходе сопротивления федеральным властям.

h) Расследование уголовного дела в отношении Яндиева

85. 6 октября 2004 года военная прокуратура, проводившая расследование похищения Яндиева, возбудила уголовное дело об участии Хаджи-Мурата Яндиева в незаконных вооруженных формированиях, т.е. совершении преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ. В тот же день Яндиеву было заочно предъявлено обвинение в вышеуказанном преступлении и его данные были внесены в базу данных федерального розыска. Данному уголовному делу был присвоен номер 34/00/0040-04.

и) Информация, связанная с обнаружением тел в Алхан-Кале

86. 17 февраля 2005 года военный прокурор, ответственный за расследование дела, приостановил предварительное расследование похищения Яндиева в связи с не установлением подозреваемых в совершении преступления. Соответствующее постановление суммировало полученные следствием на тот период времени результаты. В частности, в нем содержалась ссылка на показания четырех милиционеров из Саратовской области, бывших в командировке в Чечне в 2000 году. Каждый из них показал, что в середине февраля 2000 года на окраинах Алхан-Калы у кладбища, были обнаружены пять мужских трупов в камуфляжной и гражданской формах одежды. Местные жители отказались похоронить их, так как они не были из Алхан-Калы. Тела были доставлены в Грозненский ВОВД, где они были сняты на видео и сфотографированы сотрудниками Грозненской районной прокуратуры. После этого тела были доставлены в Моздок, Северная Осетия, на машине коменданта Грозненского района.

87. В документе от 17 февраля 2005 года имеется ссылка на доклад сотрудника Грозненского ВОВД, говорящая о том, что журнал регистрации судебно-медицинского центра в Моздоке не содержит информации о доставке каких-либо неопознанных тел в первой половине 2000 года.

88. Далее в документе имеется ссылка на информацию Грозненской районной прокуратуры о том, что расследования по факту обнаружения прокуратурой пяти мужских тел на кладбище Алхан-Калы в феврале 2000 года, не проводилось.

89. В материалах уголовного дела, изученных Судом, данных документов не имеется.

ж) Указания прокурора

90. На разных стадиях расследования уголовного дела прокуратурой Чеченской Республики были подготовлены указания, перечисляющие шаги, которые следовало предпринять следователям в рамках расследования данного дела. 3 декабря 2001 года прокурор прокуратуры Чеченской Республики приказал провести полное расследование всех обстоятельств исчезновения Яндиева, установить личности тех, кто проводил специальную операцию в Алхан-Кале в начале февраля 2000 года, найти заявительницу и признать ее потерпевшей по уголовному делу.

91. 6 декабря 2003 года прокурор Грозненского района отметил, что «фактически по делу не было проведено надлежащего расследования, в связи с неприятием мер для установления и расследования обстоятельств указанных событий». Он указал следователям вновь провести допрос заявительницы и ее мужа, допросить их о «личности» Хаджи-Мурата Яндиева и о событиях, незамедлительно последовавших после 2 февраля 2000 года, в частности, установить, кто были свидетелями и лицами, проинформировавшими ее о заключенных в Алхан-Кале, Толстой-Юрте и Чернокозово. Кроме того, было необходимо найти копию видеозаписи допроса Яндиева. В документе также содержались указания на принятие мер по установлению подразделений федеральных сил, которые могли участвовать в проведении специальной операции в Алхан-Кале в начале февраля 2000 года и установлению обстоятельств того, что случилось с задержанными.

92. 1 марта 2004 года заместитель прокурора Чечни указал следователям на необходимость установления местонахождения г-на Б. и г-на И. и их допроса об обстоятельствах задержания Яндиева. Он также вынес указания относительно продолжения следственных мероприятий, нацеленных на выяснение личности Яндиева и проведение других необходимых следственных мероприятий.

93. В период с июля 2001 года по февраль 2006 года предварительное следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось шесть раз. В соответствии с последним указанием заместителя Генерального Прокурора от 10 февраля 2006 года, срок следствия был продлен до 16 апреля 2006 года. Кроме того, в нем обобщались достигнутые к тому моменту результаты и отдавались распоряжения по установлению и допросу других задержанных и сотрудников ГУИН, принимавших участие в задержании подозреваемых в рассматриваемый день, а также проверке версии о том, что Яндиев мог сбежать из-под стражи или воспользоваться фальшивыми документами и т.д.

2. Видеозапись, сделанная НТВ

94. Правительство представило копию телевизионного репортажа телекомпании НТВ, датированного 2 февраля 2000 года и содержащего короткое интервью с Хаджи-Муратом Яндиевым, стоящим у автобуса. Он подтвердил, что пришел в Алхан-Калу из Грозного, и что он был в группе, состоящей приблизительно из 15 человек. После этого камера показывает Яндиева стоящим в одиночестве у металлического забора, и группу военнослужащих разворачивающих черное знамя с арабскими надписями.

3. Документы, представленные заявительницей

95. Заявительница предоставила в Суд недатированную копию интервью продюсера телевизионного канала CNN Райана Чилкоута, данного им одному из Интернет-журналов, в котором он рассказал о том, как допрос Яндиева был снят его командой:

«Чеченская война, а именно ее вторая кампания, стала моим первым опытом работы в условиях реальных боевых действий. Я смог близко наблюдать за действиями и увидеть многое с обеих сторон конфликта.

Я путешествовал с русскими войсками, когда они взяли Алхан-Калу, село находящееся недалеко от столицы Чечни г. Грозного. Они захватили в плен кучу чеченских боевиков; один из них, молодой парень, лет 20-30ти, был одет в униформу российского солдата, которого, он, скорее всего, убил. Второй по старшинству из российских военных подошел к нему и сказал: «Какого черта ты здесь делаешь в форме российской армии?» Повстанец ответил ему, и они начали о чем-то спорить. Генерал просмотрел содержимое карманов задержанного и нашел его паспорт. Он прочитал вслух содержащуюся в нем информацию. Затем он сказал двум солдатам: «Избавьтесь от этого парня. Убейте его прямо здесь». Солдаты не знали что делать. Они знали, что мы снимаем на камеру. Поэтому они только кивнули, но ничего не сказали.

Когда генерал опять проходил мимо этого места, он рассердился. «Я сказал вам избавиться от этого парня!» Солдаты потащили молодого человека к БТР и увезли его. Русский полковник подошел ко мне и сказал: «Эй, Райан, хочешь снять на видео казнь?» Это был один из тех моментов, когда ты как журналист не знаешь, что делать. С одной стороны, я бы снял военное преступление, казнь невооруженного человека. С другой стороны, это было против моих инстинктов. Только тогда, когда танк, на котором я приехал, стал отъезжать, мне пришлось заскочить на его борт. Через несколько месяцев мы приехали по адресу этого повстанца-боевика, громко прочитанного генералом в камеру, чтобы выяснить, что с ним произошло. Мы показали его матери наше видео и спросили, слышала ли она что-нибудь о сыне. Она не слышала. Это было очень тяжело - она совершенно расстроилась. Весьма вероятно то, что его казнили».

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

96. До 1 июля 2002 года уголовно-процессуальные отношения регулировались Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР. С 1 июля 2002 года старый Кодекс был заменен Уголовно-Процессуальным Кодексом РФ (УПК).

97. Статья 161 нового УПК устанавливает правило недопустимости разглашения данных предварительного расследования. В соответствии с частью 3 данной статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

98. Заявительница утверждала, что ее сын был незаконно убит агентами государства, и что власти не провели эффективного и адекватного расследования исчезновения Хаджи-Мурата Яндиева. Она сослалась на Статью 2 Конвенции, которая предусматривает:

- «1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.
2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:
 - а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
 - б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
 - в) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Отсутствие защиты права на жизнь

1. Доводы сторон

а) Заявительница

99. Заявительница утверждала, что власти несут ответственность за исчезновение и убийство ее сына Хаджи-Мурата Яндиева. Она сослалась на известные обстоятельства его задержания, четкий приказ старшего офицера российской армии казнить ее сына и долгий период времени, в течение которого не установлено местонахождение ее сына. По ее мнению, Правительство не представило достоверной информации о том, что с ним произошло после допроса, и что нет никаких отметок о том, что Яндиев содержался под стражей в фильтрационном пункте в Толстой-Юрте, в СИЗО Чернокозово и других местах, или что он получил медицинскую помощь, и т.д.

б) Правительство

100. Правительство не отрицало того, что Хаджи-Мурат Яндиев как активный член незаконных вооруженных формирований, оказавших яростное сопротивление установлению правопорядка и законности в Чечне, был задержан 2 февраля 2000 года в Алхан-Кале. Оно не отрицало то, что он исчез после задержания.

101. Правительство отрицало то, что Яндиев был убит агентами государства. Оно сослалось на многочисленные заключения экспертов и показания свидетелей из материалов уголовного дела, описав слова генерал-полковника Баранова как эмоциональную, но, тем не менее, оправданную реакцию на провокационное поведение задержанного, а не как надлежащий приказ, отданный командиром подчиненным. Многочисленные свидетели показали, что после допроса, Яндиева отвели на несколько метров в сторону, где он оставался некоторое время и затем его увезли на «фильтрационный пункт». Факт смерти Яндиева не был установлен в ходе предварительного следствия.

102. Правительство подчеркивало, что у Яндиева были серьезные основания для побега от властей, особенно ввиду возбужденного против него в октябре 2004 года уголовного дела. Оно сослалось на показания двух свидетелей из материалов уголовного дела, о том, что его видели в Чечне после февраля 2000 года (см. выше §§ 77-78). Оно также отметило, что расследование продолжается и что проверяются все версии его исчезновения, в том числе побег или смерть в результате попадания в засаду вместе с конвоем.

2. Оценка Суда

а) Общая оценка

103. Статья 2, которая охраняет право на жизнь и устанавливает обстоятельства того, когда лишение жизни может быть оправдано, считается одной из наиболее основополагающих норм Конвенции, в отношении которой не разрешены никакие оговорки. Наряду со Статьей 3, она также оберегает основные ценности демократических сообществ, составляющих собой Совет Европы. Таким образом, обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны толковаться строго ограниченно. Объект и цель Конвенции как инструмента защиты прав человека также требуют того, чтобы Статья 2 толковалась и применялась только таким образом, который делает предусмотренные ею гарантии практическими и эффективными (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, judgment of 27 September 1995, Series A no. 324, § 146-147).

104. В свете важности защиты, предоставляемой Статьей 2, Суд обязан подвергнуть лишение жизни самой тщательной проверке, принимая во внимание не только действия агентов государства, но и все обстоятельства дела. Задержанные находятся в уязвимой позиции, и поэтому на властях лежит обязанность по их защите. Следовательно, когда лицо помещено под стражу в хорошем состоянии здоровья и при его освобождении установлено, что у него имеются повреждения, для государства обязательным является предоставление приемлемого объяснения тому, каким образом данные повреждения были получены (см. в т.ч. *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 391, ECHR 2001-VII (выписки)). Обязанность властей отчитаться за обращение с задержанным носит особо строгий характер, если лицо умирает или исчезает после задержания.

105. Там, где рассматриваемые события целиком или в большей мере, находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами находящимися под их контролем при содержании под стражей, возникают серьезные предположения о фактических обстоятельствах, имевших место в связи с повреждениями и смертью, происшедшими во время нахождения под стражей. Таким образом, можно считать, что бремя доказывания и обеспечение удовлетворительных и убедительных объяснений лежит на властях (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, §100, ECHR 2000-VII; *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV; *Ertak v. Turkey*, no. 20764/92, § 32, ECHR 2000-V; и *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 82, ECHR 2000-VI).

106. Что касается оспариваемых фактов, то Суд напоминает о том, что его практика придерживается при оценке доказательств стандарта доказывания «вне разумного сомнения» (см. *Avşar v. Turkey*, упомянутое выше, § 282). Такое доказательство может вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта. В данном контексте, поведение сторон при получении доказательств должно приниматься во внимание (см. *Ireland v. the United Kingdom* judgment of 18 January 1978, Series A no. 25, p. 65, § 161).

107. Суд чутко относится к вспомогательной сущности своей роли и признает, что должен проявлять осторожность, принимая на себя роль суда первой инстанции по установлению фактов, когда это является неизбежным при обстоятельствах конкретного дела (см., например, *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, 4 April 2000). Тем не менее, когда заявлены обвинения в нарушении Статей 2 и 3 Конвенции, Суд обязан провести особо тщательную проверку (см. *mutatis mutandis*, the *Ribitsch v. Austria* judgment of 4 December 1995, Series A no. 336, § 32; and *Avşar v. Turkey*, указанное выше, § 283) даже если определенные внутренние процедуры и расследование уже были проведены.

b) Можно ли считать Хаджи-Мурата Яндиева умершим

108. Заявительница жалуется по Статье 2 Конвенции о том, что после ареста Хаджи-Мурат исчез и по всей вероятности умер под стражей. Правительство отрицает то, что он умер.

109. В указанном выше постановлении по делу *Timurtaş v. Turkey* Суд отметил (§§ 82-83):

«Когда лицо берется под стражу в хорошем состоянии здоровья, но при освобождении у него обнаружены повреждения, для государства является обязательным предоставление приемлемых объяснений тому, каким образом были получены эти повреждения, при несоблюдении чего возникает вопрос о нарушении Статьи 3 Конвенции... Таким же образом Статья 5 налагает на государство обязательство отчитаться за местонахождение любого находящегося под стражей лица, которое, таким образом, помещено под контроль властей... Вопрос о том, поднимет ли не предоставление властями приемлемого объяснения участи задержанного, при отсутствии тела, вопрос о нарушении Статьи 2, зависит от всех обстоятельств дела, и в частности, от наличия достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах, из которых, на основании требования о стандарте доказывания, можно сделать вывод о том, что задержанного можно считать умершим во время нахождения под стражей....»

В данном отношении фактором, который следует принять во внимание, хотя он и не является сам по себе решающим, является период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу. Необходимо признать то, что чем больше времени проходит без каких-либо известий о задержанном, тем больше вероятность того, что он или она умерли. Таким образом, перед тем, как сделать вывод о том, что данное лицо может считаться умершим, время, прошедшее с момента задержания, может до некоторой степени, повлиять на значимость других аспектов косвенных доказательств. В связи с этим Суд считает, что такая ситуация создает основания для возникновения вопросов, выходящих за рамки простого необоснованного задержания, проведенного в нарушение Статьи 5. Такая интерпретация способствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренного Статьей 2, считающейся одной из самых основополагающих норм Конвенции...»

110. В виду изложенного выше, Суд выделяет по данному делу ряд важнейших элементов, которые следует принять во внимание при определении того, может ли Хаджи-Мурат Яндиев считаться умершим, и несут ли за это ответственность власти. Прежде всего, Правительство не отрицает того, что он был задержан 2 февраля 2000 года во время проведения антитеррористической операции в селе Алхан-Кала. Во-вторых, видеозапись и многочисленные свидетельские показания, содержащиеся в материалах уголовного дела, подтверждают, что его допрашивал старший офицер, который в конце допроса сказал о том, что Яндиев должен быть

казнен. Могут ли его слова быть истолкованы как надлежащий приказ вышестоящего лица, оспаривается сторонами. Однако не возникает сомнений в том, что при обстоятельствах данного дела, такая ситуация могла бы справедливо считаться угрожающей жизни задержанного. В-третьих, со 2 февраля 2000 года нет никаких заслуживающих доверия известий о сыне заявительницы. Доказательства обратного, содержащиеся в материалах уголовного дела, на которые ссылается Правительство, очень слабы, так как ни один из свидетелей, утверждающих, что видели Яндиева после февраля 2000 года, не знали его достаточно хорошо, и оба показали, что просто мельком увидели с расстояния, человека, похожего на него (см. выше §§ 77-78). Наоборот, что касается его семьи, сокурсников и других задержанных в тот же день, никто из них не видел его и ничего не слышал о нем со 2 февраля 2000 года. Его имя не указано ни в одном из регистров учета содержащихся под стражей. И, наконец, Правительство не предоставляет никакого приемлемого объяснения тому, что произошло с Хаджи-Муратом Яндиевым после его задержания. Версии о том, что он сбежал или был убит во время засады не получили подтверждения в ходе расследования.

111. По указанным причинам, принимая во внимание то, что на протяжении более чем шести лет отсутствует какая-либо информация о местонахождении Яндиева, Суд считает, что он может считаться умершим после непризнанного задержания. Следовательно, имеет место ответственность государства - ответчика. Принимая во внимание то, что власти не ссылаются на какие-либо обоснования применения смертельной силы своими агентами, ответственность за нее должно понести государство-ответчик.

112. Таким образом, в отношении Хаджи-Мурата Яндиева нарушена Статья 2 Конвенции.

В. Неадекватность расследования

1. Доводы сторон

а) Заявительница

113. Заявительница утверждает, что Правительством государства-ответчика не было проведено независимого, эффективного и тщательного расследования обстоятельств задержания и исчезновения Хаджи-Мурата Яндиева, что представляет собой нарушение процедурного аспекта Статьи 2. Утверждая, что расследование не соответствует стандартам Европейской Конвенции и национального законодательства, она указала на значительные задержки в возбуждении уголовного дела и его повторяющиеся приостановления, а также сослалась на факт того, что хотя прошло 4, 5 года с начала расследования, оно до сих пор не завершено и не привело к каким-либо результатам. Она сослалась на указания прокуроров, содержащиеся в материалах уголовного дела, в которых действия следствия неоднократно подвергались критике как неэффективные. Она подчеркнула то, что была допрошена в качестве свидетеля и признана потерпевшей в январе 2002 года, т.е. более чем через шесть месяцев после начала расследования. Большинство следственных действий было проведено только после декабря 2003 года, когда жалоба заявительницы была коммуницирована Российскому Правительству. Власти систематически не информировали ее о ходе расследования. Она сомневается в эффективности и относимости к делу документов из материалов уголовного дела, копии которых были представлены Правительством, и утверждает, что власти самым явным образом не проверили все возможные следственные версии, а именно ту, в соответствии с которой Хаджи-Мурат Яндиев был убит федеральными военнослужащими.

114. В частности, Заявительница подчеркнула то, что, исходя из материалов уголовного дела, властями не было проведено надлежащего расследования по факту обнаружения в феврале 2000 года в Алхан-Кале пяти неопознанных мужских трупов.

б) Правительство

115. Правительство оспаривает то, что в расследовании были недочеты. Оно отмечает то, что Заявительница была признана потерпевшей, и поэтому могла принимать участие в процедуре следствия и обжаловать его решения, с которыми не была согласна. Сделанные заявителем в ходе расследования заявления и утверждения, были тщательно проверены. Ее информировали о ходе расследования в устной форме и более 10 раз - в письменной.

116. Правительство также сослалось на трудности, свойственные деятельности прокуратуры в Чечне. Оно отметило, что Заявительница и множество свидетелей по данному делу, переехали в различные регионы Российской Федерации. Работе следователей в Чечне мешали постоянные угрозы и нападения, с 1999 года в Чечне 14 следователей прокуратуры были убиты, 33 ранены и два похищены. Кроме того, на здания прокуратуры неоднократно совершались нападения, уничтожались документы и доказательства. Правительство признало, что начальные стадии расследования не проводились очень активно, однако настаивало на том, что данные упущения были исправлены последующими действиями следствия.

2. Оценка Суда

а) Общая оценка

117. Обязательство по защите жизни, предусмотренное Статьей 2 Конвенции, читаемое в сочетании с общей обязанностью государства по Статье 1 «обеспечить каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в настоящей Конвенции», также подразумевает то, что должно быть проведено в какой-либо форме, эффективное официальное расследование, если лицо было убито в результате смертельного применения силы (см., *mutatis mutandis*, the *McCann and Others v. the United Kingdom* judgment cited above, p. 49, § 161; и the *Kaya v. Turkey* judgment of 19 February 1998, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, p. 329, § 105). Важнейшей целью такого расследования является обеспечение эффективности национального законодательства по защите права на жизнь, и, по делам с участием агентов государства или государственных органов, обеспечение их ответственности за смерть, происшедшую под их ответственностью. Какая форма расследования добьется данной цели, может варьироваться в зависимости от обстоятельств. Однако, независимо от используемого метода, власти обязаны действовать по собственной инициативе, как только им стало известно о происшедшем. Они не могут оставить инициативу по обращению с формальной жалобой или ответственность за проведение каких-либо следственных действий, на родственников такого лица (см., например, *mutatis mutandis*, *İlhan v. Turkey* [GC] no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII). Суд хотел бы напомнить, что обязательства государства по Статье 2 не могут быть выполнены только присуждением компенсации. Расследование, предусмотренное Статьей 2 Конвенции должно быть способным привести к установлению и наказанию виновных (см. *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, § 121, ECHR 2001-III).

118. Для того, чтобы расследование обвинений в незаконном убийстве агентами государства было эффективным, как правило, необходимо, чтобы ответственные лица, проводящие расследование, были независимы от тех, кто замешан в рассматриваемых событиях (см., например, *the Güleç v. Turkey* judgment of 27 July 1998, *Reports* 1998-IV, §§ 81-82; и *Ögur v. Turkey* [GC], no. 21954/93, §§ 91-92, ECHR 1999-III). Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно должно быть способным привести к определению того, было ли применение силы оправдано обстоятельствами (см., например, *Kaya v. Turkey*, cited above, p. 324, § 87), а также к установлению и наказанию виновных (*Ögur v. Turkey*, указанное выше, § 88). Это обязательство не результатов, а средств. Власти обязаны предпринять все разумные и имеющиеся в наличии меры для обеспечения сохранности доказательств происшедшего, в том числе, получить показания свидетелей, вещественные доказательства, и, где необходимо, произвести вскрытие трупа с полным и точным описанием повреждений и объективным анализом обнаруженного, в том числе, с указанием причины смерти (в отношении судебно-медицинской экспертизы трупа, см., например, *Salman v. Turkey*, указанное выше § 106; в отношении свидетелей, например, *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, ECHR 1999-IV, § 109; в отношении вещественных доказательств, например, *Gül v. Turkey*, no. 22676/93, § 89, judgment of 14 December 2000). Любое отклонение расследования, подрывающее способность установления причины смерти или ответственных лиц, несет риск не соответствия данному стандарту.

119. В этом контексте необходимо отметить обязательное наличие четкого требования о своевременности и разумных сроках проведения расследования (см. *Yaşa v. Turkey*, указанное выше, § 102-104; *Çakıcı v. Turkey*, указанное выше, §§ 80, 87, 106; *Tanrikulu v. Turkey*, указанное выше, § 109; и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Необходимо смириться с тем, что могут иметься препятствия или трудности, которые мешают прогрессу расследования в определенной ситуации. Тем не менее, своевременный ответ властей по расследованию применения смертельной силы может в целом считаться важнейшим элементом в поддержании уверенности общественности в приверженности властей правопорядку и пресечения ими любой поддержки или терпимого отношения к незаконным действиям.

в) Применение к данному делу

120. По данному делу проводилось расследование похищения сына заявительницы. Суд должен оценить, соответствовало ли расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

121. Прежде всего, Суд отмечает, что, несмотря на многочисленные обращения заявительницы к властям сразу же после 2 февраля 2000 года, расследование было начато только в июле 2001 года, т.е. через год и пять месяцев после рассматриваемых событий. Более того, сразу же после начала, в расследовании возникли необъяснимые отсрочки. Допрос заявительницы не производился до января 2002 года, допросы военных офицеров, принимавших участие в задержании Яндиева, и других свидетелей, были проведены только осенью 2005 года (см. выше §§ 59-62), другие задержанные и водитель автобуса были допрошены в период с мая 2004 года по октябрь 2005 года (см. выше §§ 70-73), и военнослужащие Министерства Юстиции, ответственные за охрану и перевозку задержанных, были допрошены в ноябре 2005 года (см. выше §§ 74). Важным является то, что генерал-полковник Баранов был допрошен в первый раз в июне 2004 года, т.е. через четыре года и четыре месяца после событий и через три года после начала расследования. Из материалов дела следует, что действия,

необходимые для раскрытия преступления, были предприняты только после декабря 2003 года, когда жалоба заявительницы была коммуницирована Правительству государства-ответчика. Данные отсрочки сами по себе компрометируют эффективность расследования, и не могли не оказать негативного воздействия на перспективы выяснения истины. Принимая во внимание то, что объяснения некоторых из этих отсрочек может быть связано с исключительными обстоятельствами в Чечне, на которые ссылается Правительство, Суд находит, что по данному делу, они явно превысили всякие разумные ограничения эффективности, которые могли бы учитываться при рассмотрении такого серьезного преступления.

122. Другие элементы расследования нуждаются в комментариях. Например, ряд военнослужащих показали, что сотрудники военной разведки и ФСБ занимались теми задержанными, которые подозревались в том, что являлись командирами (см. § 74). Расследование не установило и не допросило никого из военнослужащих или офицеров данных подразделений. Информация, содержащаяся в документах от февраля 2005 года об обнаружении трупов в середине февраля 2000 года, не была проверена. Более того, несмотря на многочисленные свидетельства обратного (см. §§ 110-111, о том, может ли Яндиев считаться умершим), расследование продолжало придерживаться версии о том, что он мог сбежать из-под стражи и пребывать в целостности и сохранности.

123. Многие из этих упущений были очевидны для прокуроров, которые неоднократно указывали на проведение ряда следственных мероприятий (см. выше §§ 90-91). Однако их предписания или не исполнялись, или исполнялись с неприемлемыми отсрочками.

124. И, наконец, что касается того, как было проведено расследование, Суд отмечает, что с июля 2001 года по февраль 2006 года следствие приостанавливалось и возобновлялось шесть раз. Заявительница, несмотря на свой процессуальный статус потерпевшей, не была своевременно проинформирована об этих мерах, особенно до декабря 2003 года, и поэтому у нее не было возможно обжаловать их вышестоящему прокурору (см. выше §§ 23-39).

125. В свете изложенного, Суд находит, что власти не провели эффективного уголовного расследования обстоятельств исчезновения и предполагаемой смерти Хаджи-Мурата Яндиева. Соответственно, Суд считает, что и в данном отношении имеет место нарушение Статьи 2.

II. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

126. Заявительница утверждала, что Хаджи-Мурат Яндиев был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, и что власти не провели расследования данных утверждений. Она также жаловалась на то, что подверглась страданиям в связи с исчезновением ее сына, и что данные страдания представляют собой обращение, нарушающее требования Статьи 3 Конвенции, предусматривающей:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Не обеспечение защиты Хаджи-Мурата Яндиева от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения

1. Доводы сторон

127. Заявительница утверждает, что солдаты умышленно подвергли ее сына дурному обращению, что отражено на видеозаписи. Она сослалась на показания свидетелей о том, что Яндиев был ранен в ногу, и утверждала, что на видео видно, как солдаты пинают его в раненую ногу, причиняя ему боль. Она также утверждает, что он не получил необходимой медицинской помощи.

128. Правительство оспаривает то, что Яндиев был ранен или подвергнулся дурному обращению со стороны солдат, так как, по его мнению, на видеозаписи этому нет доказательств. Оно также отметило, что вопрос о том, оказывалась ли Яндиеву медицинская помощь, не может быть выяснен из-за отсутствия окончательной информации о его местонахождении после задержания.

2. Оценка Суда

а) Общая оценка

129. Судом неоднократно указывалось, что Статья 3 оберегает одну из самых основополагающих ценностей демократических сообществ. Даже при самых трудных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция абсолютным образом запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. В отличие от большинства материальных норм Конвенции и Протоколов к ней, Статья 3 не предусматривает исключений, и оговорки, разрешенные по Статье 15 § 2, не разрешаются в отношении данной Статьи, даже в случае крайней общественной необходимости, угрожающей жизни нации (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 95, ECHR 1999-V; и *Assenov and Others v. Bulgaria*, judgment of 28 October 1998, *Reports* 1998-VIII, p. 3288, § 93).

130. Обвинения в дурном обращении должны подтверждаться надлежащими доказательствами (см., *mutatis mutandis*, *Klaas v. Germany*, judgment of 22 September 1993, Series A no. 269, p. pp. 17-18, § 30). При оценке таких доказательств Суд применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения», однако добавляет, что такие доказательства могут вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта (см. *Ireland v. the United Kingdom*, упоминавшееся выше, pp. 64-65, § 161 *in fine*).

б) Применение к данному делу

131. Не оспаривается то, что сын заявительницы был задержан 2 февраля 2000 года федеральными силами, и что до сих пор о нем не было заслуживающих доверия известий. Суд пришел к выводу о том, что ввиду всех известных обстоятельств, он может считаться умершим и ответственность за его смерть лежит на властях государства (см. выше §§ 110-111). Однако то, каким именно образом он умер и подвергнулся ли он дурному обращению во время нахождения под стражей, остается неясным.

132. Суд отмечает, что факты, связанные с возможным дурным обращением с Хаджи-Муратом Яндиевым установлены не в достаточной мере. Ряд свидетелей показали, что Яндиев был ранен и что он был задержан вместе с другими пациентами больницы в Алхан-Кале. Тем не менее, ни показания свидетелей, ни просмотренная Судом видеозапись не содержат доказательств подтверждающих обвинения в том, что при аресте с ним дурно обращались. Тот фрагмент, на

который ссылается Заявительница, когда проходящий солдат толкает стоящего у автобуса Яндиева, не кажется Суду достигающим порога жестокости, предусмотренного Статьей 3.

133. В заключение, так как имеющаяся у Суда информация не позволяет Суду установить вне всякого разумного сомнения то, что сын заявительницы подвергся обращению, нарушающему Статью 3, Суд считает, что перед ним недостаточно доказательств, чтобы прийти к выводу о том, что в данном отношении была нарушена Статья 3 Конвенции.

В. Относительно отсутствия эффективного расследования

134. Заявительница также утверждала, что Правительство государства-ответчика не провело независимого, эффективного и тщательного расследования обвинений в дурном обращении.

135. Правительство оспаривает, что расследование имело какие-либо недостатки.

136. При отсутствии какой-либо достоверной информации о дурном обращении с Хаджи-Муратом Яндиевым, или о том, каким образом он умер, Суд не считает необходимым установить отдельно нарушение Статьи 3 в связи с заявленными недостатками расследования, так как он рассматривает данный аспект при обсуждении процедурного аспекта Статьи 2 (выше) и по Статье 13 (ниже).

С. Нарушение Статьи 3 в отношении заявительницы

1. Доводы сторон

137. Заявительница утверждает, со ссылкой на практику Суда, что сама стала жертвой нарушения Статьи 3. Она подчеркнула, что перенесла нравственные страдания, просмотрев видеопленку, на которой с ее сыном жестоко обращались солдаты, а также в связи с безразличием властей к исчезновению ее сына и его вероятной смерти.

138. Правительство отрицает, что Заявительница является жертвой обращения, нарушающего Статью 3. Оно отмечает, что Заявительница регулярно информировалась о ходе расследования по делу и, что ее жалобы были должным образом рассмотрены. Ее личное разочарование в отсутствии позитивных результатов расследования не может считаться причиняющим бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

2. Оценка Суда

139. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданию заявителя ту степень и сущность, что отличают их от эмоциональных переживаний, неизбежно причиняемых родственникам жертв серьезных нарушений прав человека. Такие факторы включают в себя близость родственных отношений, в контексте которых определенное значение придается отношениям между родителями и детьми, специфические обстоятельства родственных отношений, то в какой степени родственник был свидетелем рассматриваемого события, активность члена семьи в попытках получить информацию относительно исчезнувшего родственника и то, каким образом власти отреагировали на эти попытки (см. *Orhan*, § 358, *Çakıcı*, § 98, и *Timurtaş*, § 95, все указаны выше). Суд хотел бы далее подчеркнуть, что сущность такого нарушения лежит преимущественно не в факте «исчезновения» члена

семьи, а связан с реакцией властей и отношением к ситуации, когда она была представлена их вниманию. Именно в отношении последнего родственники могут прямо утверждать, что стали жертвой поведения властей.

140. По данному делу Суд отмечает, что Заявительница приходится матерью исчезнувшему Хаджи-Мурату Яндиеву. Заявительница просмотрела видеозапись, демонстрирующую допрос ее сына, который заканчивается словами о том, что его следует казнить, после чего его уводят солдаты. На протяжении более чем 6 лет у нее нет о нем никаких известий. В течение указанного периода времени Заявительница обращалась в различные официальные органы с устными и письменными запросами о своем сыне (см. выше §§ 21-40). Несмотря на свои попытки, Заявительница так и не получила какого-либо приемлемого объяснения или информации о том, что стало с Яндиевым после задержания его 2 февраля 2000 года. Полученные заявителем ответы преимущественно отрицали ответственность государства за задержание ее сына и его дальнейшее исчезновение или просто информировали ее о том, что расследование продолжается. Установление Судом нарушения процедурного аспекта Статьи 2, указанного выше, имеет отношение к этому вопросу (см. §§ 120-125), особенно факт того, что расследование уголовного дела об исчезновении было начато спустя полтора года после рассматриваемых событий.

141. В свете изложенного, Суд находит, что Заявительница страдала и продолжает нравственно страдать, переживать и тревожиться в результате исчезновения ее сына и своей неспособности выяснить, что с ним произошло. То, каким образом, властями рассматривались ее жалобы, должно считаться представляющим собой бесчеловечное обращение, нарушающее Статью 3.

142. Таким образом, Суд считает, что имеет место нарушение Статьи 3 в отношении заявителем.

III. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

143. Заявительница жалуется, что нормы Статьи 5 Конвенции в целом были нарушены в отношении ее сына. Статья 5 предусматривает:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

- a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;
- b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;
- c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
- d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
- e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
- f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

1. Доводы сторон

144. Заявительница утверждала, что непризнанное задержание Хаджи-Мурата Яндиева не соответствовало национальному законодательству и требованиям Статьи 5 в целом. Она полагала, что доказано все разумных сомнений то, что ее сын был задержан представителями федеральных сил во время операции в Алхан-Кале, и что его задержание не было никоим образом санкционировано и документировано.

145. Правительство не оспаривало того, что Яндиев был задержан 2 февраля 2000 года. Оно отметило, что арест произошел во время так называемой «активной» стадии антитеррористической операции, и что незамедлительное соблюдение всех формальностей национального законодательства на месте в Алхан-Кале при сложившихся обстоятельствах было физически невозможным и даже опасным. Оно сослалось на приложения к уголовному делу № 34/00/0020-04, в которых содержались многочисленные процессуальные документы, связанные с задержанием подозреваемых членов незаконных вооруженных формирований, арестованных во время той же операции. Отсутствие таких процессуальных документов в отношении Яндиева может быть объяснено его исчезновением до прибытия в СИЗО, различные причины которого рассматривались органами следствия.

2. Оценка Суда

146. Суд подчеркивает основополагающую важность гарантий, содержащихся в Статье 5 и обеспечивающих право индивидов в демократическом сообществе быть свободными от произвольного задержания властей. Суд особо указал в связи с этим на то, что любое лишение свободы должно быть произведено не только в соответствии с материальными и процедурными нормами национального законодательства, но и должно в равной мере соответствовать цели Статьи 5, а именно, защите индивида от произвольного задержания. Для уменьшения риска произвольного задержания, Статья 5 предусматривает ряд материальных прав, направленных на обеспечение того, чтобы действия по лишению свободы были открытыми для независимой судебной проверки, и обеспечение ответственности властей за применение данной меры. Непризнанное задержание индивида представляет собой полное отрицание данных гарантий и является наиболее тяжким нарушением Статьи 5. Учитывая обязанность властей, предусматривающую несение ответственности за находящихся под их контролем лиц, Статья 5 требует от них принятия эффективных мер по избеганию риска исчезновения, а также по проведению своевременного и эффективного расследования обоснованных утверждений о том, что лицо не видели с тех пор, как оно было помещено под стражу (см. *Kurt*, §§ 122-125, указанное выше; также

указанные выше, *Çakıcı*, § 104; *Akdeniz and Others*, § 106; *Çiçek*, § 164; и *Orhan*, §§ 367-369).

147. Установленным является то, что сын заявительницы был задержан 2 февраля 2000 года федеральными властями, и с тех пор его не видели. Из представленных материалов следует, что большинство задержанных в тот день были доставлены в «фильтрационный пункт» в Толстой Юрте, а затем в различные СИЗО. Задержание Яндиева не было отражено в соответствующих регистрах содержания под стражей, и официальные данные о его последующем местонахождении или судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда, данный факт сам по себе должен считаться серьезнейшим нарушением, так как он позволяет лицам, ответственным за лишение свободы, скрыть свое участие в преступлении, замести следы и избежать ответственности за участь задержанного. Более того, отсутствие записей о нахождении под стражей и аресте, отметок о дате, времени и месте задержания, имени задержанного, а также причин для ареста и имен тех, кто его производит, должно рассматриваться как несоответствующее цели Статьи 5 Конвенции (см. указанные выше постановления по делам *Kurt*, § 125; *Timurtaş*, § 105; *Çakıcı*, § 105; *Çiçek*, § 165; и *Orhan*, § 371).

148. Кроме того, Суд считает, что властям следовало быть готовыми к необходимости проведения более тщательного и своевременного расследования жалоб заявительницы о том, что ее сын был задержан силами безопасности и увезен при угрожавших его жизни обстоятельствах. Однако, обоснование и установление нарушения по Статье 2 выше, в частности, в связи с отсрочками в возбуждении уголовного дела и при проведении расследования, не оставляет никаких сомнений в том, что власти не предприняли своевременные и эффективные меры для того, чтобы обеспечить минимизацию риска исчезновения Яндиева. Более того, Суд отмечает, что даже в декабре 2000 года власти продолжали отрицать участие федеральных военнослужащих в задержании Яндиева (см. выше §§ 25-26).

149. Следовательно, Суд приходит к выводу, что Хаджи-Мурат Яндиев был подвергнут непризнанному задержанию при полном отсутствии гарантий, предусмотренных Статьей 5, и что имело место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного данной Статьей.

IV. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

150. Заявительница указала, что была лишена доступа к суду, в нарушение положений Статьи 6 Конвенции. Соответствующая часть Статьи 6 предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое...разбирательство дела ... судом».

151. Заявительница утверждала, что у нее не было эффективного доступа в суд, так как гражданский иск о возмещении ущерба зависел бы полностью от результатов уголовного расследования исчезновения ее сына. При отсутствии результатов расследования, она не могла эффективно обратиться в суд.

152. Правительство оспаривало данное утверждение.

153. Суд находит, что жалоба заявительницы по Статье 6 поднимает те же вопросы, что уже обсуждаются при рассмотрении процедурных аспектов Статьи 2 и Статьи 13. Также необходимо отметить то, что Заявительница не предоставила данных, обосновывающих ее утверждения о намерении обратиться в местный суд с иском о компенсации ущерба. При таких обстоятельствах, Суд находит, что не возникает отдельных вопросов, связанных с нарушением Статьи 6 Конвенции.

V. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

154. Заявительница утверждала, что исчезновение ее сына после задержания властями государства нарушает собой также Статью 8 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

155. Заявительница утверждала, что страдания и переживания, причиненные ей исчезновением сына, привели к нарушению ее права на семейную жизнь.

156. Правительство возражало, указав, что эти жалобы необоснованны.

157. Суд отмечает, что данные жалобы связаны с теми же фактами, что рассматривались по Статьям 2 и 3, и, принимая во внимание сделанные им выводы по данным Статьям (см. выше §§ 112 и 142), считает, что их рассмотрение отдельно не является необходимым.

VI. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ

158. Заявительница жаловалась на то, что у нее не было эффективного внутреннего средства правовой защиты против нарушений Статей 2, 3 и 5 Конвенции. Она сослалась на Статью 13 Конвенции, предусматривающую:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

159. Правительство с этим не согласилось. Оно сослалось на статус заявительницы как потерпевшей по уголовному делу, который позволял ей эффективно принимать участие в процедуре следствия. Оно также утверждало то, что Заявительница могла обратиться в местные суды с жалобой на действия официальных лиц или с гражданским иском. В качестве примеров Правительство сослалось на ряд дел, в которых военные суды на Северном Кавказе привлекли к уголовной ответственности армейских военнослужащих за преступления против гражданских лиц и против других военных, и по которым жертвам были присуждены компенсации ущерба. Оно также сослалось на дело из Карачаево-Черкесии, по которому в сентябре 2004 года истец получил компенсацию ущерба, понесенного в связи с бездействием прокуратуры. Оно также сослалось на дело *Khashiyev v. Russia* (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 and 57945/00, §§ 39-42, 24 February 2005), в котором заявитель получил значительную сумму из государственной казны в качестве компенсации материального и морального ущерба, понесенного в связи со смертью его родственников при обстоятельствах, когда убедительные доказательства позволяли сделать вывод о том, что убийства были совершены федеральными военнослужащими.

160. Суд повторяет, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения предусмотренных Конвенцией прав и свобод в любой форме, в которой они могут быть закреплены в местном законодательстве. Статья 13, таким образом, требует того, чтобы нормы национального законодательства могли разрешить по существу

«обоснованную жалобу» на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую компенсацию. При этом Высокие Договаривающиеся Стороны по собственному усмотрению решают, каким именно образом они будут соблюдать свое предусмотренное Конвенцией обязательство по данной Статье. Объем обязательства по Статье 13 разнится в зависимости от сущности жалобы о нарушении Конвенции. Тем не менее, средство правовой защиты, предусмотренное Статьей 13, обязано быть «эффективным» не только в теории, но и на практике, особенно в том плане, что при его применении не должны возникать необоснованные препятствия в виде действий или бездействий властей государства-ответчика (см. *Aksoy v. Turkey*, указанное выше, § 95; и *Aydin v. Turkey judgment of 25 September 1997, Reports 1997-VI*, § 103).

161. Принимая во внимание чрезвычайную важность прав, гарантированных Статьями 2 и 3 Конвенции, Статья 13 требует того, чтобы в дополнение к выплате компенсации, было проведено тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных в лишении жизни и обращении, нарушающем Статью 3, включая эффективный доступ заявителя к процедуре следствия по установлению виновных в совершении преступления (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; *Assenov and Others v. Bulgaria*, указанное выше, § 114 et seq.; и *Süheyla Aydin v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 May 2005). Суд вновь повторяет то, что требования Статьи 13 шире обязательств Высоких Договаривающихся Сторон по Статье 2 о проведении эффективного расследования (см. *Orhan* указанное выше, § 384; и *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, указанное выше, § 183).

162. Принимая во внимание выводы Суда в отношении Статей 2 и 3, данные жалобы являются явно «обоснованными» в целях Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, judgment of 27 April 1988, Series A no. 131 § 52). Следовательно, у заявительницы должна была иметься возможность обращения к эффективным и практическим средствам внутренней правовой защиты, способным привести к установлению и наказанию виновных, а также к присуждению ей компенсации, в целях, предусмотренных Статьей 13.

163. Однако, при обстоятельствах, когда уголовное расследование исчезновения и возможной смерти неэффективно (см. выше §§ 120 -125), и когда эффективность других возможных средств защиты, включая обращение с гражданским иском, на которое ссылалось Правительство, была подорвана, Суд считает, что государство не выполнило своего обязательства по Статье 13 Конвенции.

164. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в сочетании со Статьями 2 и 3 Конвенции.

165. Что касается ссылки заявительницы на Статью 5 Конвенции, Суд указывает на свои выводы о нарушении данной нормы (см. выше § 149), в связи с чем полагает, что не возникает отдельного вопроса о нарушении Статьи 13 в сочетании со Статьей 5 Конвенции, которая сама по себе содержит ряд процедурных гарантий, связанных с законностью задержания.

VII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЕЙ 34 И 38 § 1 (а) КОНВЕНЦИИ

166. Заявительница утверждала, что запоздалое предоставление Правительством запрошенных Судом документов, а именно материалов уголовного дела, является не соблюдением обязательства, предусмотренного Статьями 34 и 38 § 1 (а) Конвенции. Соответствующие части данных Статей предусматривают:

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные Государства создают все необходимые условия».

1. Доводы сторон

167. Заявительница пригласила Суд прийти к выводу о том, что Правительство не выполнило своего обязательства по Статье 38 в связи с отказом предоставить материалы уголовного дела по запросам Суда, сделанным в период с ноября 2003 по ноябрь 2005 года (см. выше). Она отметила, что причины, на которые ссылалось Правительство, были произвольными и что, в любом случае, после объявления жалобы приемлемой и назначения по ней слушания, Правительство представило материалы без очередной ссылки на ст. 161 УПК РФ. Более того, она утверждала, что Правительство все еще не представило ряд документов из материалов дела, а именно документы, связанные с обнаружением пяти трупов в Алхан-Кале в 2000 году (см. выше §§ 86-89). Она также отметила, что практика не предоставления доступа к запрошенным Судом документам, в том числе к материалам расследования уголовного дела, применяется по большому количеству жалоб (около 20), коммуницированных Судом Российскому Правительству, большинство из которых связано с обвинениями в серьезных нарушениях прав человека в Чечне.

168. По мнению заявительницы, то, каким образом Правительство отнеслось к запросам Суда о предоставлении документов, является дополнительным неисполнением обязательства по Статье 34. Ссылаясь на постановление по делу *Paşcu* она указала, что обязательство по данной Статье запрещает государствам-ответчикам предпринимать действия, способные серьезно воспрепятствовать рассмотрению Судом жалобы, поданной на основании права на индивидуальное обращение в Суд, и таким образом, вмешиваться в право, гарантированное Статьей 34 (см. *Paşcu and Others v. Moldova and Russia* [GC], no. 48787/99, § 481, ECHR 2004-VII). Заявительница утверждала, что она не могла обосновать свои обвинения в нарушениях Конвенции из-за отсутствия доступа к данным документам.

169. Правительство отметило, что документы, представляющие собой материалы уголовного дела были представлены в Суд в полном объеме и в установленные Судом сроки.

2. Оценка Суда

170. Суд повторяет, что процедура рассмотрения жалоб определенного типа не всегда подразумевает применение принципа в силу которого лицо, заявляющее о нарушении, обязано доказать выдвинутые обвинения. Чрезвычайно важным для эффективной работы системы индивидуальных обращений, предусмотренной Статьей 34 Конвенции, является то, что государства должны создать все необходимые условия для надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV, в котором Комиссия, в

результате поведения Правительства, не смогла получить ряд доказательств и показаний, имевших чрезвычайную важность для выполнения ее функций).

171. Данное обязательство требует от Высоких Договаривающихся Сторон создания всех необходимых условий для Суда, независимо от того, проводит ли он расследование по установлению фактических обстоятельств дела или выполняет свои функции по рассмотрению жалоб. Особенностью процедуры, связанной с делами, по которым индивидуальные заявители обвиняют агентов государства в нарушении их гарантированных Конвенцией прав, является то, что иногда только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть данные обвинения. Не предоставление Правительством такой имеющейся у него информации без удовлетворительного объяснения, может не только привести к заключению о том, что обвинения заявителя хорошо обоснованы, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком его предусмотренных Статьей 38 § 1 (а) обязательств. Например, по делу *Tepe v. Turkey* (no. 27244/95, § 128, 9 May 2003) Суд установил, что, после объявления жалобы приемлемой, Правительство не выполнило своих обязательств по Статье 38 из-за неоднократного не представления запрошенных Судом документов и не обеспечения явки ключевых свидетелей. То же самое относится к отсрочкам государства при предоставлении информации, приводящим к трудностям при установлении фактических обстоятельств дела, как до, так и после вынесения решения о приемлемости (см. указанное выше *Timurtaş judgment*, §§ 66 and 70; и *Orhan*, § 266).

172. В соответствии с принципами, заложенными в его прецедентном праве, Суд соглашается с тем, что по некоторым делам отсрочки в предоставлении информации могут иметь чрезвычайную важность для установления фактических обстоятельств дела и могут создавать основу для отдельного нарушения Статьи 38 Конвенции. По делу, в котором рассматриваются вопросы грубейших незаконных действий агентов государства, документы уголовного расследования являются основополагающими для установления фактов и их отсутствие препятствует надлежащему рассмотрению жалобы, как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения по существу.

173. По рассматриваемому делу в марте 2004 года, после запроса, сделанного в рамках коммуникации, Правительство представило около половины материалов уголовного дела, в том числе постановление о возбуждении уголовного дела, ряд важных свидетельских показаний и указаний вышестоящих прокуроров с перечислением установленных расследованием фактов. В ноябре 2005 года, сразу же после объявления жалобы приемлемой, Правительство представило материалы дела полностью. После устного слушания, оно также дважды предоставляло дополнительные материалы (см. выше §§ 43-44). Необходимо отметить, что большая часть документов, предоставленных в ноябре 2005 года и после этого, появилась только после марта 2004 года и поэтому они не могли быть предоставлены до этого времени.

174. Принимая во внимание особую ситуацию по данному делу, Суд не может прийти к выводу о том, что отсрочки в предоставлении запрошенной информации могли воспрепятствовать установлению фактических обстоятельств дела или его надлежащему рассмотрению. При таких обстоятельствах Суд считает, что не имеет места нарушение Статьи 38 Конвенции в отношении сроков предоставления запрошенных Судом документов.

175. Что касается Статьи 34 Конвенции, ее главным объектом является обеспечение эффективного применения права на индивидуальное обращение в Суд. В данном деле не имеется признаков наличия препятствий для использования заявительницей права на индивидуальное обращение, путем вмешательства в ее

коммуникацию с Судом, при представлении ее интересов в органах Суда или путем оказания на заявительницу ненадлежащего давления. По мнению Суда, отсрочка в предоставлении документов в полном объеме не поднимает отдельного вопроса о нарушении Статьи 34, учитывая то, что из указанного выше прецедентного права следует, что Суд считает данную норму своего рода *lex generalis* по отношению к требованиям Статьи 38, четко указывающей на обязательство государств сотрудничать с Судом.

176. Таким образом, Суд приходит к выводу, что Правительство государства-ответчика выполнило требования Статей 34 и 38 § 1 (а) Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

177. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Моральный ущерб

178. Заявительница не предоставила требований о компенсации материального ущерба.

179. Что касается морального ущерба, то Заявительница указала, что она потеряла сына и на протяжении ряда лет подвергалась стрессу, страдала от фрустрации и беспомощности в связи с его исчезновением и пассивным отношением властей. Она заявила о том, что понесла моральный ущерб, однако оставила сумму его компенсации на усмотрение Суда.

180. Правительство указало, что никакой компенсации Заявительнице присуждаться не должно из-за отсутствия решающих доказательств вины властей в смерти ее сына, принимая во внимание продолжающееся расследование уголовного дела.

181. Суд установил нарушения Статьей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнанным задержанием и предполагаемой смертью сына заявительницы в руках властей. Было установлено, что Заявительница сама стала жертвой нарушения Статьи 3 в связи с перенесенными ею эмоциональными переживаниями и страданиями. Поэтому Суд полагает, что она ей был нанесен моральный ущерб, который не может быть компенсирован только установлением факта указанных нарушений. Принимая решение на основании принципа справедливости, Суд присуждает Заявительнице 35 000 (евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с данной суммы.

B. Расходы

182. Интересы заявительницы в Суде представляла SRJI. SRJI утверждает, что стоимость исследований в Ингушетии и Москве составляла 50 евро/час, подготовка юридических документов для представления в Европейский Суд и в местные органы власти составляла 50 евро/час для сотрудников SRJI и 150 евро/час для руководящих сотрудников SRJI.

183. Заявительница попросила компенсировать ей 14,345.08 евро в связи с расходами, понесенными для представления ее интересов по жалобе, включая:

- 750 евро за подготовку первоначальной жалобы;
- 1,250 евро за подготовку и перевод дополнительных ходатайств;

- 5,406 евро за подготовку и перевод ответа заявительницы на меморандум Правительства;
- 1,500 евро за подготовку дополнительной переписки с ЕСПЧ;
- 3,500 евро в связи с подготовкой и переводом ответа заявительницы на решение ЕСПЧ о приемлемости;
- 1,000 евро в связи с подготовкой юридических документов, представленных в национальные правоохранительные органы;
- 938.46 евро понесенных административных расходов (7% от юридических расходов).

184. Правительство не оспаривало расчетов, как они были представлены Заявительницей, однако утверждало, что заявленные суммы являются чрезмерными для неправительственной организации, такой как представитель заявительницы, SRJI.

185. Суду следует установить, действительно ли были понесены указанные заявительницей расходы, и были ли они необходимыми (см. *McCann and Others* указанное выше, § 220).

186. Суд отмечает, что в соответствии с договором, заключенным заявительницей в октябре 2005 года, она согласилась оплатить представителю расходы, связанные с представлением ее интересов по жалобе. Оплата должна быть произведена после вынесения Судом окончательного постановления по делу и после оплаты Российской Федерацией юридических расходов, если это будет предусмотрено постановлением Суда. Ставки были установлены в размере 50 евро/час для юристов SRJI и 150 евро/час для руководящих сотрудников SRJI и не состоящих в штате организации экспертов, а также 7% за административные расходы. Суд считает, что данные ставки являются разумными и отражают действительно понесенные представителем заявительницы расходы.

187. Далее, следует установить, были ли расходы, понесенные заявительницей в целях представления ее законных интересов по жалобе, необходимыми. Суд отмечает, что данное дело является довольно сложным, особенно в виду большого количества документальных доказательств, поэтому Суд полагает, что оно потребовало исследований и подготовки документов в объеме, указанном представителем.

188. При данных обстоятельствах, принимая во внимание представленные заявительницей требования о компенсации, Суд присуждает ей полную сумму заявленных расходов в 14 345 евро, за вычетом 2 104 евро полученных ею в качестве юридической помощи от Совета Европы, вместе с подлежащим уплате с суммы компенсации налогом на добавленную стоимость.

С. Процентная ставка

189. Суд считает, что процентная ставка дохода с подлежащих оплате сумм должна базироваться на средней кредитной ставке Центрального Банка Европы, к которой должно быть добавлено три процента.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Устанавливает* нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении исчезновения Хаджи-Мурата Яндиева;

2. *Устанавливает* нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с не проведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения Хаджи-Мурата Яндиева;
3. *Устанавливает*, что нет нарушения Статьи 3 Конвенции в связи с не представлением сыну заявительницы защиты от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения;
4. *Устанавливает*, что не возникает отдельных вопросов о нарушении Статьи 3 Конвенции в связи с не расследованием утверждений о пытках;
5. *Устанавливает* нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы;
6. *Устанавливает*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции;
7. *Устанавливает*, что не возникает отдельных вопросов о нарушении Статьи 6 Конвенции;
8. *Устанавливает*, что не возникает отдельных вопросов о нарушении Статьи 8 Конвенции;
9. *Устанавливает*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений Статьей 2 и 3 Конвенции;
10. *Устанавливает*, что не возникает отдельных вопросов о нарушении Статьи 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений Статьи 5;
11. *Устанавливает*, что не имело место не выполнение Статей 34 и 38 § 1 (а) Конвенции;
12. *Устанавливает*

(а) что государство-ответчик обязано выплатить Заявительнице, в течение трех месяцев с даты вступления постановления Суда в силу, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:

(i) 35000 евро (тридцать пять тысяч евро) в качестве компенсации морального ущерба, которые надлежит конвертировать в российские рубли по курсу, действующему на день оплаты;

(ii) 12241 (двенадцать тысяч двести сорок одно евро) в качестве компенсации расходов, которые должны быть перечислены на банковский счет представителя заявительницы в Нидерландах;

(iii) любые налоги, которые могут взиматься с вышеуказанных сумм.

(б) что по истечении указанных выше трех месяцев на весь период до выплаты назначенных сумм, на них подлежит начислению простая процентная ставка дохода, в размере, равном средней кредитной ставке Центрального Банка Европы плюс три процента.

Выполнено на английском языке, сообщено в письменном виде 27 июля 2006 года, в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

СОРЕН НИЛЬСЕН
Секретарь

КРИСТОС РОЗАКИС
Президент